

Рощупкина Екатерина Сергеевна

Магистрант

Направление: Юриспруденции

Магистерская программа: Гражданское право, семейное право, международное частное право

**Проблема защиты прав сторон при заключении договора
финансирования под уступку денежного требования**

Аннотация. В статье рассматривается уступаемое денежное требование как элемент материального предмета договора финансирования под уступку денежного требования.

Ключевые слова: уступка денежного требования, цессионная сделка, должник, кредитор.

Денежное требование, которое подлежит уступке по договору факторинга, постоянно находится в центре внимания научных исследований, изучающих договор финансирования под уступку прав денежного характера, поскольку по сути своей оно является своего рода «несущей» юридической категорией сей договорной конструкции. Обратимся к изучению правового режима имущества, составляющего предмет уступки, под которую предоставляется финансирование. Согласно окончательному законоположению ст. 824 ГК РФ по договору факторинга финансовому агенту уступаются только денежные требования. Для определения объема и содержания понятия «денежное требование» следует обратиться к категории «денежное обязательство».

Понятие денежного обязательства не слишком однозначно трактуется в научных публикациях. Условно допустимо выделить два основных подхода к определению денежного обязательства – обширного и узконаправленного. В первом случае, денежное обязательство рассматривается, как обязательство,

связанное с передачей некой определенной суммы денежных средств [1]. А узконаправленный подход к квалификации денежного обязательства в свою очередь основывается на привлечении дополнительного критерия, такого как цель передачи денежных средств конкретной направленности на погашение денежного долга [2]. Именно это определение денежного обязательства нашло применение и в судебной практике. Например, в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 1998 года № 13/14 денежное обязательство рассматривается как обязательство, «в силу которого на должника возлагается обязанность уплатить деньги», используемые «в качестве средства платежа, средства погашения денежного долга» [3]. Исходя из данной трактовки, авторами сего подхода круг денежных обязательств сужается до долговых финансовых обязательств, опуская иные обязательства, такие, как обязательство по предоставлению кредита, аванса и суммы предоплаты. Такое смещение акцентов довольно длительное время превалировало над остальными в научном сообществе, что сильно повлияло на формирование общей судебной практики в вопросах денежных обязательств.

Несомненно, что использование оценочных категорий в законах является оправданной мерой, поскольку установленные нормативные модели не могут охватить всего многообразия общественных отношений. Резонное использование законодательными органами оценочных понятий позволяет обеспечить необходимую гибкость в гражданско-правовом регулировании при условиях высокой вариативности существующих жизненных ситуаций. Благодаря пластичности подобных абстрактных положений у правоприменителя имеется возможность ситуационно, в зависимости от специфики конкретных случаев, осуществлять регулирование отношений сторон. Тем не менее, учитывая непоследовательность в судебной практике по конкретизации рассматриваемого понятия, хочется обратиться к уже существующим научным изысканиям, касающимся данного вопроса. Судья ВАС, доктор юридических наук и профессор Людмила Александровна

Новоселова утверждает, что «Во множестве случаев для должника значение личности кредитора определяется особенностями его правового статуса и/или характером его участия в правоотношении», в дополнение Елена Генриховна Комиссарова отмечает: «Связь обязательства с личностью кредитора может обуславливаться субъективными факторами, что зависит от индивидуальности обязательства и личностных качеств кредитора и должника» [4]. Случай, указанный в п. 2 ст. 388 ГК РФ отмечен комментарием, который указывает на то, что связь между должником и кредитором может иметь как формально-правовой характер (к примеру, если должник и кредитор находятся в родственных отношениях), так и не являться формализованной [5]. В свете процитированных подходов, существенность личности кредитора для должника обязана квалифицироваться, опираясь на анализ особенностей отношений сторон и выявлении обоснованной заинтересованности должника в сохранении относительно положительных взаимоотношений с конкретным кредитором. Совершённая цессионная сделка, при которой не было получено разрешение должника, когда получение этого разрешения обязательно в силу соответствующего договора, может быть признана недействительной на основании п. 1 ст. 173.1 ГК РФ [6-7]. Стоит придерживаться признания позитивной роли исследуемого ограничения оборота имущественных прав, приняв во внимание существенную рестрикцию возможностей по договорному установлению препятствий для неконтролируемой уступки прав требования в соответствии с п. 2 ст. 382 и п. 3 ст. 388 ГК РФ.

Действовавшая ранее редакция статей 382 и 388 ГК РФ устанавливала правило о допустимости договорного запрета и ограничения уступки всех видов требования. Наряду с этим, закон устанавливал два изъятия из этого правила: совершённая несмотря на договорной запрет уступка требования признавалась действительной лишь в рамках договора факторинга в соответствии со ст. 828 ГК РФ, а также договора комиссии – уступка прав комитенту по сделке, в случае неисполнения третьим лицом сделки, заключённой с ним комиссионером (п.3 ст. 993 ГК РФ).

Реформирование части первой ГК РФ внесло довольно ощутимые изменения в регулирование передачи прав требования. П. 3 ст. 388 ГК РФ стал блокировать договорные запрет или ограничение уступки требования по всякому денежному обязательству. И если в редакции Федерального закона от 21.12.2013г. № 367-ФЗ подобное положение сковало только договорные запрет и ограничение уступки требований по финансовому обязательству, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности [8], то Федеральный закон от 08.03.2015г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» лишил абсолютной силы соответствующее соглашение между должником и кредитором в отношении каких-либо финансовых требований [9]. Изначальная идея создателей устроить наилучшие условия для коммерческого оборота денежных требований, дифференцировав правила уступок прав из сделок типа b2b (бизнес для бизнеса, иными словами сделки между предпринимателями) и других сделок, была дезавуирована закреплением безусловной возможности уступки любого денежного требования. Такое игнорирование воли должника слегка сглаживается возможностью использования модели компенсационной защиты интересов должника: «Кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения» согласно п. 3 ст. 388 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Невзирая на направленность вышеупомянутого нововведения на стимуляцию оборота наиболее ликвидных имущественных прав, таких как денежное требование и развитие практики рефинансирования, подобное законодательное решение вызывает определённые опасения. Участники оборота могут свободно устанавливать свои права и обязанности на основе договора, приобретают гражданские права собственной волей и в своих интересах. Заключая договор и наполняя его содержанием стороны выстраивают собственные права и обязанности, исходя из своих же интересов, возможностей, потребностей и преследуемых целей. Из данного постулата следует то, что стороны могут придать свойство неотчуждаемости созданному

ими праву. Их воля является направленной на ограничение либо запрет оборота соответствующего права, консервацию субъектного состава обязательства. Сформироваться подобная воля может ввиду весьма различных факторов. Например, в связи с особенностями формата отношений сторон, нежеланием должника столкнуться с недобросовестным новым кредитором или по причине предвидения некоторых неудобств бухгалтерского плана. Так договор придает силу разумным ожиданиям договаривающихся сторон. Любая из сторон обязана неукоснительно соблюдать условия договора. При этом, новая редакция п. 3 ст. 388 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает возможность беспрепятственно нарушать договорные условия и попирает интересы должника, таким образом, своеобразно поощряя волюнтаризм и оппортунизм кредитора. Учитывая ранее упомянутые условия недостаточной компенсации пострадавшей от нарушения договора стороны, такой законодательный подход выглядит недостаточно обоснованным. Ценность же нарушенного интереса в сохранении статуса-кво в контексте субъектного состава договора зачастую невозможно измерить с финансовой точки зрения в виду его субъективности. Сложно не согласиться со следующим высказыванием Артёма Георгиевича Карапетова: «Общество, не основанное на доверии, является обреченным на упадок, и трудно представить себе развитие экономики в стране, в которой считается нормой неисполнение договорных обязательств. Социальный капитал (имеется в виду форма межличностного доверия) очень легко растерять, но очень трудно накопить. Окончательное закрепление в праве идеи о том, что нарушать договор допустимо только тогда, когда должник готов возместить убытки кредитору, в долгосрочной перспективе может оказать сильное разрушающее воздействие и на эти социальные нормы. Последствия такой эрозии деловой морали, в основе которой столетиями лежала идея святости договора и аморального характера неверности своему слову, и подрыва институциональных условий обеспечения межличностного доверия тяжело предсказать. Хотя бы поэтому договорное право не должно проводить в жизнь теорию эффективного нарушения,

пропагандировать идею о целесообразности осуществления нарушения договора и, соответственно, не должно стремиться принципиально ограничивать права пострадавшего от нарушения договора кредитора лишь взысканием компенсационных убытков» [10].

Непозволительно смещать акцент внимания с такой негативной составляющей рассматриваемого решения законодательства, как возможность беспрепятственного вторжения в договорные отношения на стороне кредитора любых субъектов, в том числе коллекторских организаций, зачастую отличающихся не самыми добросовестными методиками работы. Учитывая отсутствие институциональной основы в деятельности коллекторских агентств и контроля над ними уполномоченных государственных органов, возможность передачи данным организациям дебиторских задолженностей в обход достигнутой договорённости сторон, может приводить к весьма масштабному нарушению прав и интересов лиц, являющихся должниками. Так, одной из остро стоящих и широко обсуждаемых проблем последних лет является практически безнаказанное использование коллекторами нецивилизованных методов взыскания задолженности с дебиторов, и соответственно, отсутствие надлежащей их защищенности. В связи с чем введённая норма п. 3 ст. 388 ГК РФ выглядит несколько преждевременной. Представляется, что куда более целесообразно будет сосредоточить не имеющий препятствий оборот денежных требований только лишь в рамках факторинговых отношений с одновременным изменением требований к качественному составу субъектов, выступающих на стороне финансового агента. Либо внести изменения в положение п. 3 ст. 388 Гражданского Кодекса Российской Федерации, усилив защиту интересов дебитора, с одновременным принятием профильного нормативно-правового акта, регулирующего деятельность коллекторских агентств. При этом считаем первоначальную регулятивную стратегию в отношении оборотоспособности денежных требований, основанную на идее дифференциации регулирования в зависимости от состава участников договора, более справедливой. Предприниматели как субъекты профессиональной экономической

деятельности имеют больше реальных возможностей (экономического, административного и иного порядка) для защиты своего поправного интереса, нежели обычные граждане. Как указывает А.Л. Маковский, предприниматель, в отличие от потребителя, профессионал; он, действуя в обороте, знает больше и может больше, с него, соответственно, должен быть и больший спрос [11]. В рамках ориентации на социализацию гражданского права следует предоставить более высокий уровень правовой защищенности в своем правомерном ожидании именно слабой стороне договора, а не предпринимателю. В связи с чем, пункт 3 статьи 388 Гражданского кодекса Российской Федерации предлагается изложить в следующей редакции:

«Соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником (дебитором) за данное нарушение соглашения.

Сделка по уступке может быть признана недействительной по иску должника только том случае, когда доказано, что другая сторона сделки знала, либо должна была знать об указанном ограничении или запрете, и такая уступка привела или может привести к причинению существенного вреда правам и (или) законным интересам должника».

Литература

1. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4-х т. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Бакуева М.Г. Исполнение денежных обязательств по российскому гражданскому праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.
3. Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 08.10.1998 № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о обязательствах».

Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» (в ред. Постановления от 04.12.2000 Пленума ВАС РФ № 34 и Пленума ВАС РФ № 15) // Вестник ВАС РФ. 1998. № 11.

4. Комиссарова Е.Г. Уступка права требования в институте гражданско-правовой ответственности // Журнал российского права. 2000. № 8.

5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) (2-е издание) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/62900.html> (дата обращения: 01.10.2018).

6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2014 № 15АП-9793/2014 по делу N А53-3043/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=80784#06676422940736484> (дата обращения: 02.10.2018).

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.11.2015 № 09АП-46010/2015-ГК по делу № А40-39809/15 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/61019494/> (дата обращения: 02.10.2018).

8. Федерального закона от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

9. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

10. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11-12.

11. Маковский А.Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Вестник ВАС РФ. 1995. № 4.

© Бюллетень магистранта 2018 год № 6